

Носил он на боку широкий меч;
На поясе ж нарядный был кинжал,
И кортик из-за пазухи торчал.
И ни один драчун иль плут прожженный
Не смел задеть его. Клинок каленый
Держал он для удобства за чулком,
Чем хвастался, когда был под хмельком.
Был он курносый, круглый и румяный,
Залысиной похож на обезьяну,
На рынках он ворюгою прослыл,
В мешках муки немало сору сбыл.
Но, вор искусный, избегал поимки.
Его прозвали все – Задира Симкин.
Он дочь священника в супруги взял.
Отец посуды медной много дал
В приданое: хотел, чтоб породнился
С ним мельник и на дочери женился.
Отец растил в монастыре девицу,
И Симкину такую голубицу
Хотелось в жены, чтоб она блюла
Цвет целомудрия и не лгала.
В науке монастырской мало прока:
Жена была болтлива, как сорока.
Их надо было видеть в воскресенье, -
На них глазело с завистью селенье:
Нарядный Симкин важно выступал,
Колпак свой длинный он чалмой свивал;
За ним жена в пурпуровой накидке.
И если кто-нибудь, не в меру прыткий,
Ее улыбкой, взглядом задевал,
Проститься с жизнью мог такой нахал:
Ее тотчас готовился пресечь
Кинжал иль кортик, ножик или меч.
Ревнивый муж, ведь он подобен зверю,
Иль слыть он хочет им, по крайней мере,
Хотя бы только для своей жены.
Так вот по наущенью сатаны
Ей не давал покою брак неравный,
И все заносчивей и своенравней,
Все неприглядней становилась – хуже,
Чем застоялая вода из лужи.
Из страха звали все ее «мадам»,
Но чудилась всегда ее ушам
Насмешка в атом: ей, мол, подобало
Почтение, она ведь много знала
И, вышколенная в монастыре,
Блеснуть могла бы даже при дворе.
Давно уже постель они делили
И двух детей за те года прижили.
Дочь старшая была лет двадцати,
А сын-наследник – месяцев шести.
Мальчишка был горласт, румян, смешлив
И в колыбели буен и брыклив.
Дочь не болела отроду ни разу;
Кругла была, курноса, светлоглаза,